

СЕРБСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Ирина Антанасиевич

Доктор филологических наук, профессор кафедры славистики
филологического факультета Белградского университета.

Республика Сербия, 11000, г. Белград, Студентски трг, 3.

E-mail: antiira@mail.ru

Маленькая страна Сербия почти с полуторатысячелетней историей оказалась областью большого человеческого горя. Ее территорию издревле стремились завоевать сильные и агрессивные соседи, и память народа в фольклоре, литературе и изобразительном искусстве сохранила следы иноземного присутствия и влияния на культуру. Три с половиной столетия османского владычества принесли сербам много бед, но самым страшным ударом оказалась все же Первая мировая война, унесшая примерно треть населения страны. Ставшая королевством с конца XIX столетия, Сербия оставалась им до начала Второй мировой войны, а в 1945 г. советизировалась и вошла в состав Федеративной Народной Республики Югославии (позже СФРЮ) сначала как Народная Республика Сербия, а затем, с 1963 г., — как Социалистическая. Однако распад СССР принес крушение всему европейскому соцлагерю, и национализм, поднявший голову в бывших советских республиках, не миновал и Югославию. Обретение Сербией самостоятельной государственности, до поры до времени все-таки социалистической, снова стоило большой крови. Бомбардировки НАТО (2000) положили конец социализму в стране. Сейчас Сербия вновь республика.

Но главное не территория или государственный строй, а люди. История выдающихся сербов почти не известна в России: из СМИ россияне знают о незатухающих «балканских конфликтах» или, в более мягком варианте, «противоречиях», и на том, как правило, все заканчивается. Меж тем любое политическое событие отзывается в человеческой судьбе, будь то рядовой гражданин или руководитель высшего ранга. Кто такие Карагеоргиевичи? Что сказать о Николае Генриховиче Гартвиге, русском после в начале Первой мировой, или о Федоре Евдокимовиче Махине?..

Судьбы людей в философском контексте необходимо рассматривать и как поле межнационального диалога, и как его осуществление, и как результат: таков феномен человека. Волею общеславянских судеб связанная с Россией теснейшими узами, Сербия открывает современным русским людям свои исторические тайны.

Ключевые слова: история Сербии XX в., династия Карагеоргиевичей, династия Обреновичей, усташи, Н. Г. Гартвиг, организация «Черная рука».

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-1-26-46

Очерки балканской истории: династия Карагеоргиевичей

«Марширала, марширала краля Петра гарда...»

...в мирной социалистической Югославии очень не любили одну песню.

Слова в ней были самыми что ни на есть примитивными и повествовали о марширующих гвардейцах короля Петра и о самом Петре, которого песня по-свойски называла Пера и который на белом коне ехал впереди гвардии.

Дядя Петя. Последний сербский король (1903–1914).

Иде Пера, иде Пера јаше коња бела...

...за что же не любили песню?

Наверное, за немирную тень короля Петра, одно упоминание о котором вызывало беспокойство.

Именно его, блестящего выпускника Сен-Сира, фотографа и художника, восторженного юношу, который упивался идеями либерализма и свобод (даже Джона Стюарта Милля перевел и предисловие написал), любимые им французы позже провозгласили очередным балканским варваром, сербским националистом, оккупировавшим престол.

А он, внук Черного Джорджа¹, заняв престол, считал, что речь не идет о свержении династии. Да и какая династия Обреновичей...² Они осмелились после смерти князя Михаила запретить въезд в страну всем носителям славного имени Карагеоргия! И плевать даже на конфискованное имущество, но запретить потомкам Георгия Петровича ходить по пыльным сербским дорогам?! Петр мечтал о восстановлении права своей семьи на престол.

¹ Имеется в виду Георгий Пётрович Карагеоргий (1762–1817), руководитель Первого сербского восстания против Османской империи, основатель династии Карагеоргиевичей. Прозвание, ставшее династическим именем, получил по цвету волос, позже оно было подтверждено чертами его характера и ненавистью, которую питали к нему враги. *Здесь и далее — прим. ред.*

² Обреновичи — княжеская, а затем и королевская династия, извечный соперник Карагеоргиевичей в борьбе за сербский королевский престол. Обреновичи правили страной в 1815–1842 и 1858–1903 гг. При их правлении Сербия получила международное признание в качестве суверенного государства (Берлинский конгресс, 1878). В 1903 г. в ходе Майского восстания последний представитель династии Александр и его жена Драга были убиты сторонниками Карагеоргиевичей.

Петр I Карагеоргиевич
(Петар I Карађорђевић, 1844–1921),
первый сербский король из династии
Карагеоргиевичей (с 1903),
с 1918-го король сербов,
хорватов и словенцев

А прежде чем въехать на белом коне на улицы Белграда, дядя Петя (чика Пера), как назовет его народ, успеет повоевать.

...Эх, знайте, что герои былых времен — Никола Кавая, Легия, да и хорват Анте Готовина — профессии своей обучались в рядах Французского легиона. И мало кто помнит, что пошли они по стопам короля.

Именно он, Петар, достойно сражался в рядах легионеров, даже орден получил за француско-прусскую кампанию. А после легиона — в Боснию, воевать. Впрочем, по современной версии, балканские легионеры всех национальных расцветок пошли тем же путем — каменистым, скучным, военным — в Боснию и Герцеговину.

Туда война нет-нет да и зайдет на огонек. Очень ей там по душе.

Вот и наш Петар оставил легион и под именем Петр Мркониц (так звался знаменитый когда-то гайдук) начал воевать, создавая мифы и раздувая легенды. Многие верили, что знаменитый гайдук Мркониц восстал из мертвых, воюя за свободу. Но для успешного восстания

легенд мало, нужно еще и оружие.

Восстание подавили. В Сербию хода не было. В Париже на жизнь средств не хватало. И переезжал Петар то в скромную провинциальную Женеву, то в совсем бедное черногорское Цетине на тещины да тестевы хлеба (в жены он взял дочь черногорского короля Николы).

А потом грянула гроза. Майская.

Майское восстание поставило точку на династии Обреновичей.

И воссияла звезда Карагеоргиевичей.

Ох, сколько дел сделал дядя Петя! Сколько дел в бедной, разоренной, политически нестабильной стране. Победил в Первой и Второй балканских войнах, присоединил Рашку, Косово и Метохию, Македонию...

...и сгорел.

Годы были уже не те. Да и наследники не радовали. Любица-Зорка, королева, сначала двух девочек родила — Елену (потом выйдет замуж за Ивана Константиновича Романова) и Милену, умершую в младенчестве.

Затем родились долгожданные сыновья Джордже, Александр и Андрия (умер в младенчестве). Первый, старший, Георгий-Джордже, названный в честь прадеда, Черного Джорджа, не только имя наследовал, но и темперамент.

Темперамент и был причиной его отречения, потому что во время ссоры умудрился беспокойный принц подражаться со слугой Колаковичем. Да так, что через несколько дней слуга скончался. Джордже смерть эту до конца жизни своей так и не переболел, все снился ему Колакович, и все пытался он сбежать от страшного сна, сбежать в самые страшные, самые кровавые балканские битвы. И две балканских войны, и Первую мировую прошел, и ранен тяжело был, а прожил долго.

Умер в 1972-м.

В Белграде, кстати.

В том городе, где ему его же брат, Александр, в чью пользу он отрекся от престола, запретил появляться.

А потом уже маршал Тито закрыл Белый город для всех Карагеоргиевичей. Кроме мирного пенсионера Джордже... Чудны дела твои, Боже...

Второй, как мы уже сказали, Александр. Эх...

...дядя Петя, знал ли ты, что навяжет твой Александр таких гордиевых узлов (колонизация, проблемы Косова, Баната, Бачки, Македонии, создание СХС, изменение конституции, создание Югославии — именно его политика привела к появлению усташей¹ и ВМРО, которые и съели его в конце концов), что будут их распутывать да не распутают, а начнут просто рубить по живому да кровавому. И идеи были неплохими, собственными его, дяди-Петиными, идеями, но... то ли не судьба, а может, не так звезда встала, и весь сказ.

...а о дяде Пете в Сербии немного осталось.

Только песня.

Раньше был еще и город, Петровград, но его переименовали в Зренянин, решив, что лучше иметь город имени секретаря ЦК Жарка Зренянина, чем беспокойного монарха.

Правда, есть еще Мркониц-Град. Но он в Боснии. В Республике Сербской. И нынешняя молодежь вряд ли знает о Петре Мрконице, скорее имя Мркониц напомнит им министра в правительстве Милошевича и ныне не последнего в Сербии человека.

¹ Усташы (хорв. Ustaše) — члены хорватской фашистской организации (с 1929-го), стоявшей у власти в стране в 1941–1945 гг. Внутренняя политика усташей характеризовалась антисемитизмом и сербофобией. По их инициативе, согласно официальным данным, было уничтожено до 800 000 сербов, 30 000 евреев, 80 000 цыган.

Павел Карагеорѓиевич
(Павле Карађорђевић, 1893–1976),
князь, регент Югославии (1934–1941).
1930-е гг.

Уехал на белом коне последний пра-
витель Сербии.

И больше не было Сербии.

И у Сербии не было королей.

И не будет.

А песенку потом усташи на свой лад
переиначили.

Сербский бедный Павел

...сербское происхождение, русское
гражданство, петербургское детство, же-
невская школа.

Это он — Павел Карагеоргиевич.

Бедный Павел сербской истории, реа-
билитированный лишь в 2011 г.

...отец его, Арсен, вполне оправды-
вал фамилию Карагеоргиевич: был кра-
сив и храбр на всю голову. Девять войн,
четырнадцать дуэлей, золотая сабля за
бой под Мукденом, генеральский чин,
участие в заговоре «Черной руки»¹...
На сына у него просто не было времени.

...мама — Аврора Демидова, да-да, из тех самых Демидовых. Отец ее — эстет-
ствующий чудак, князь Сан-Дonato (так называлась вилла в окрестностях Фло-
ренции, шкатулка, доверху наполненная произведениями искусства, которые
Павел Демидов скупал как морковку, пучками).

...Брак был странным и страстным и длился крайне долго для подобного рода
союзов, целых два года: достаточно для того, чтобы родить Павла, пометать мол-
нии друг в друга и с облегчением разойтись.

Ветреная мама во втором браке — Аврора ди Ногера.

А случайнорожденного мальчика отправили к деду Петру в Женеву.

Скучно ему там не было.

Там вообще было много народу: на престоле в Сербии сидели Обреновичи.
И казалось, что плотно.

А Карагеоргиевичи обретались в Швейцарии и ждали попутного ветра.

Он и дунул. Убили несчастных Александра и Драгу, и дед Петр стал Его Коро-
левским Величеством Королем Сербии.

¹ Членами «Черной руки» и были убиты король Александр Обренович и королева Драга. Участники заговора при короле Петре Карагеоргиевиче заняли видные государственные посты. Члены этой организации также планировали убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда.

Здесь неожиданно выяснилось, что бегавший по женевскому дому мальчик Павлик вообще-то русский. Стали охать-ахать, срочно хлопотать, выправляя ему документы, и едва-едва добились желаемого. Может быть, из-за кувшиннорылого бюрократизма русский по крови и месту рождения Павел к России впоследствии относился более чем прохладно? Бог весть.

Зато он отчаянно влюбился в Англию. Оксфордский студент, зализанные виски, высокомерный взгляд и... джаз. И свобода, и живопись.

Любовь к живописи — это от него, от сумасшедшего Плюшкина, коллекционировавшего живопись, — деда Демидова.

И внук, не знавший деда, так же как и он, начал скупать и тащить в Белград картины и скульптуры. Именно он основал Музей современного искусства, Исторический музей, Музей этнографии.

И мечтал-то он (мальчик королевских кровей!) стать директором музея. Впрочем, мальчиком к тому времени уже не был.

Он, покрытый холодным английским лоском, влюбился вполне по-карагеоргиевски в княгиню Ольгу, греческую принцессу.

И брак был весьма счастливым: тонкие, высокие, холодные, высокомерные — они подходили друг другу настолько, что даже сейчас иногда неприлично смотреть на фотографии, на которых его взгляд, всегда надменный, вдруг меняется, останавливаясь на фигуре жены или лицах детей. Как будто вторгаешься на территорию чужой нежности.

Мечту свою стать директором музея он осуществил, выпросив у брата королевского соизволения стать... управляющим всех музеев Югославии (ну точно, демидовская сумасшедшая кровь).

На одной из фотографий Павел с маленькой Елизаветой на руках. Кстати, в нынешней Сербии все знают, что музеи в основном выживают за счет поддержки принцессы Елизаветы. Демидовская акварельная капля крови.

Но не удалась тихая музейная жизнь.

Убили в Марселе короля Александра Карагеоргиевича, и на плечи Павла легло регентство.

Легла ответственность, обязанность понимать, что происходит в балканском котле, необходимость мирить и ссорить, убеждать и наказывать. Принимать решения.

И там, где Александр мог решить вопрос, то играя в демократию, то отбывая ее как глупую игрушку, оксфордский студент растерялся. После смерти кота мыши в правительстве стали водить свои хороводы: начали менять то конституцию, то границы внутри страны (так называемая Хорватская Бановина). А то толкали на подписание союза с Гитлером или требовали союза с Британией.

...и он, англофил, понимая, что войну страна не выдержит, чувствуя, что рядом не только война с немцами, но и гражданская в собственной стране, решил подписать пакт.

Поддержать Тройственный союз.

Говорят, что решающим был разговор с английским послом, который спросил Павла, что будет делать Югославия, если Гитлер нападет на Румынию? Павел ответил вопросом на вопрос: «А что в это время будет делать Англия?»

Посол молча пожал плечами.

Павел понял, что он так же пожмет плечами, услышав весть о нападении на Югославию.

Решение было вынесено.

...Но музейные работники историю хранят, а не делают. Когда человек, наслаждающийся тишиной музеев, вынужден принимать ТАКИЕ решения, они всегда оказываются ошибочными.

Не могла ТА страна, в ТОМ состоянии, с ТАКИМИ проблемами, с ТАКИМ окружением и при ТЕХ обстоятельствах заключать ТАКОЙ договор.

Просто не могла.

Позже решение свое Павел объяснял тем, что дал слово брату Александру — сохранить Югославию, а выдержать немецкое нападение с наличной югославской армией было невозможно.

Поэтому он и решился на этот шаг.

Пакт был подписан с клаузулой: ни немецкие, ни итальянские войска не имеют права использовать югославскую территорию для военных действий.

Бедный, бедный Павел. Хорошо разбирающийся в искусстве и ничего не понимающий в реальной жизни. Поверить в то, что можно во время страшной войны сохранить мир, мог только идеалист.

25 марта договор с Гитлером подписан.

И просуществовал ровно два дня.

А что потом?

Путч, оккупация страны, которую немцы заняли за одиннадцать дней.

Для Павла — Греция, Каир, проживание в английской миссии в Найроби, больше похожее на тюремное заключение, Йоханнесбург.

Опять отсутствие гражданства, неприкаянность, прошения, просьбы, документы, наконец-то английский паспорт со швейцарской визой.

Наконец-то Женева детства.

Затем любимый Лондон, ставший ненавистным, потому что там в дорожно-транспортном происшествии погиб сын.

Париж и смерть в американской больнице.

Сирота при живых родителях. Чужой мальчик в родной семье. Русский без России. Английский серб. Коллекционер, вынужденный управлять государством.

Сара Анастасиевич
в национальном костюме

Человек, который дал брату слово сохранить Югославию и держал его как мог.

В титовской Югославии осужден военным судом как изменник Родины под номером 3028 (следующий за ним под номером 3029 Карачметович Юсуф, доброволец в албанской дивизии «Скандербег» из Берана, номер перед ним — Каракаш Йова, хорват, усташ из Брине).

Упрямая принцесса Елизавета добилась полной реабилитации любившего ее отца.

Теперь можно говорить в школах:

...была когда-то такая страна Югославия.

После того как убили короля, ею руководил регент, бедный, бедный Павел, который хотел, чтобы все было хорошо в то время, когда это было невозможно.

Капитанская дочь

...В 2012 г. в Сербии, в семейном мавзолее на Опленце со всеми полагающимися почестями были перезахоронены останки членов королевской семьи Карагеоргиевичей: король Петр I, королева Мария, король Петр II; перенесли сюда и прах князя Павла. Карагеоргиевичи собирают дорогих покойников, говоря, что все члены фамилии должны упокоиться в семейном мавзолее.

Руку на сердце — особого ажиотажа в стране по поводу возвращения праха исторически ценных покойников не было.

Перезахоронение народ воспринял равнодушно: нерадивые потомки, балканские обитатели, привыкшие историю втискивать в прокрустово ложе идеологии, о самой династии знают довольно мало, настолько, что и трех анекдотов не слепят.

А тех, о ком сами представители династии Карагеоргиевичей скромно умалчивают, не знают вообще. Жаль. Здесь тремя анекдотами не отделаешься.

Рассказ будет длинным.

Неправильные Карагеоргиевичи и Капитанская дочь

Здание ректората Белградского университета туристы охотно фотографируют: здание красивое и место напротив Студенческого парка симпатичное. А гиды рассказывают историю: богатый судовладелец дунайской флотилии, со-

ляной магнат и меценат Миша Анастасиевич настолько уважал просвещение, что построил здание первого сербского университета и подарил своему Отечеству.

И наказал на подарке своем выбить надпись:

Миша Анастасијевићъ свомъ Отечеству

Ой, не верьте гидам.

Не верьте.

Здание построено было не для Отечества, а для дочери. Любимой, младшей.

Для Сары.

Именно с ней связывал свои планы будущий сербский Ротшильд, а при рождении просто Миша, сын Анастаса, мелкого торговца из дунайского Пореча (ныне городка Дони-Милановац).

Вырастила Мишу нежно любящая его мачеха: мать погибла в родах, а отец — когда мальчику было три года.

А воспитала Мишу жестко отнесшаяся к нему жизнь: проведя детство в нищете, он делал все, чтобы из нее выбраться.

И выбрался. И стал самым богатым человеком Балкан, получив монополию на торговлю солью из Валахии и Молдавии, стал дунайским *капитаном*. Впрочем, нет, не просто капитаном, а Капитаном, контролирующим всю балканскую часть Дуная.

Первым балканским мультимиллионером, олигархом.

Как всякий олигарх из низов, он любил гусарские жесты: например, мог купить в Париже всю коллекцию модных платьев и подарить их женщинам в родном городке (представляю, как изумлялись сербские суровые дамы, получив такие подарки, а уж как выглядели лица их мужей, даже представлять боюсь).

Как всякий олигарх из низов, стремился к власти. Не к той, которую дают деньги, а к той, которая не зависит от денег.

И вот здесь начинается история о дочери его Саре.

У Капитана Миши сыновей не было. Не дал Бог.

Но зато были любящие дочки — четыре.

А вот любимая была одна, пятая, младшая, Сара.

Сара Анастасиевич делала в жизни все что хотела: сопровождала отца на охоту, куда женщины не допускались, прекрасно разбиралась в математике, кружила головы ухажерам — что красотой своей, что приданым с астрономическим числом нулей, но замуж вышла за того, за кого приказал отец.

За Джордже Карагеоргиевича.

...небольшое отступление. Нынешняя династия не очень любит истории о «неправильных» Карагеоргиевичах. Может, потому, что эти «неправильные» династически правильные?!

Дело в том, что линия «неправильных» Карагеоргиевичей ведет происхождение от первого сына и наследника Карагеоргия Алексея. Что, скажете вы, нет в истории Сербии короля Алексея Карагеоргиевича?

Правильно, нет. Потому что первый сын Карагеоргия, которого и провозгласил Черный Джордже своим наследником, последовав с отцом в эмиграцию в бессарабский Хотин, возвращаться в Сербию отказался наотрез. Остался там и гусарствовал Алексей Черный, так звучала в России его фамилия. Женился на дочери хотинского помещика (причем не по любви: слишком карта ему плохая шла; карточные долги не отдавать — вразрез с дворянской честью, а за Марию больно хорошее приданое давали).

Женился гусар, и вдруг как-то остепенился, и совершенно неожиданно полюбил свою жену.

Причем так сильно, что после ее смерти загрузил, зачах и очень быстро скончался.

Впрочем, наследник остался: Мария Трохина (Трошина, Трокина... — варианты различны) родила ему сына. Георгия Черного. Джордже.

Этот маленький второй КараГеоргий на деда своего разбойничьего и на отца-гусара совсем был не похож: маленький пугливый бессарабский мальчик, которого послали в Петербург в Пажеский корпус, где он бродил одинокий, потому что любил больше рисовать, чем стрелять.

Этот самый Джордже в Сербии после смерти отца был раза два ребенком и каждый день плакал, считая дни до возвращения в Петербург: страдал на Балканах от жары и запаха чеснока.

Вот этого жениха и выбрал в мужья своей любимице Капитан Миша.

И плевать, что любящая охоту дочь и страдающий мигренями от запаха пороха Джордже друг другу не подходили совершенно. Это все ерунда.

Важно, что он Карагеоргиевич. Внук. Сын первого сына. Прямой претендент на престол.

И Капитан закинул сети. И начал ловить рыбку власти в мутной воде. И был уверен, что поймает.

Настолько уверен, что для будущей королевской четы построил дворец: да-да, именно это здание, в будущем — университета.

Стоит оно сейчас как напоминание о том, что лезть в политику, даже с сумасшедшими деньгами, не стоит.

Удачливый торговец проиграл.

Политические интриги оказались похлеще торговых спекуляций.

Ему удалось добиться свержения князя Александра, второго сына Карагеоргия, который был в то время на престоле, но место, на которое он метил, заняли Обреновичи.

Мерзкая тетка-история показала Капитану язык...

Он смирился. Закрыв соляной бизнес. Продал все имущество, а дворец (так не доставайся же ты никому!) оставил Отечеству и велел основать Фонд: делил деньги налево и направо, помогал, благотворительствовал, опекал, учреждал и награждал. Умер в Румынии, завещав не переносить свой прах в Сербию.

Но не сдалась Сара.

Настоящая дочь Капитана, она прожила долгую жизнь.

Настолько долгую, что успела и потанцевать на балах Наполеона III, и покочетничать с князем Михаилом. Она принимала в Вене Негоша и дружила с Альфонсом Доде (считается, что некоторые фрагменты из романа «Короли в изгнании» взяты из жизни Сары).

Она, дожившая до 1930-х гг., в свое время настолько ссорилась с Вуком Караджичем, что в пику ему до конца жизни говорила и писала на русско-сербском или, как его называли, славяно-сербском, совсем архаичном в то время.

Жила Сара так долго потому, что была одержима одной страстью: вернуть на престол «настоящих» Карагеоргиевичей. И возможности были: настоящими наследниками Карагеоргия, его внуками по линии старшинства были ее сыновья, Алекса и Божидар.

Мальчики, выросшие в постоянном напоминании о том, что у них отняли престол и они должны его вернуть. Мальчики, воспитанные в свете материнской мечты о престоле.

Этим мальчикам престол претил. Он был им ненавистен и мерзок.

Думается, больше всего они боялись, что когда-нибудь фанатичная мать добьется своего.

Уже совсем взрослый Алекса, когда вдруг появился шанс и возникла возможность претендовать на престол, настолько перепугался, что у него началась истерика. Истерику дочь Капитана вылечила быстро: закатила прилюдно такую пощечину, что монокль отлетел и разбил оконное стекло. Алекса согласился бороться за престол и... сбежал в Америку. Там сделал попытку жениться, но родители невесты, прагматичные чикагские толстосумы, не дали согласия на брак с сомнительным балканским принцем.

Пришлось возвращаться в Европу. Мать интриговала всюду: договаривалась то с династией Обреновичей, чтобы соправителем князя Александра Обреновича признали его, Алексу, то с заговорщиками «Черной руки» о свержении династии Обреновичей. И ее боялись. Настолько, что король Милан, когда она поехала в Сербию посетить родственницу, выделил два отряда жандармов для сопровождения (конвоя) беспокойной Капитанской дочери, на всякий случай. Мало ли...

Когда же убили несчастных Александра и Драгу Обреновичей, Алекса опять с ужасом ожидал борьбы за престол. Ужас был так велик, что он пригрозил матери самоубийством.

Она вздохнула и отступила, а престол получил принц Петр, коронованный Петром Первым Сербским. И сразу же изменил Устав Королевского дома, полностью отобрав у «неправильных» Карагеоргиевичей право на престол.

Сара сходила с ума, а Алекса, уставший от парижских истерик матери, уехал на балканскую войну. Под начало ненавистного Саре, несправедливо воцарившегося на престоле Петра. И воевал в сербской армии в странном звании — частный солдат (приватни војник).

В том же звании он воевал и в Первой мировой и только к концу войны, пройдя албанскую Голгофу с армией, удостоился звания подполковника и ордена Карагеоргия третьей степени.

Награда была настолько ничтожна, что рассмешила весь Белград. Карагеоргиевич третьей степени — так прозвали Алексу. Белградский хохот не давал спать Саре в Париже. Но что она могла поделать?..

Она махнула на Алексу рукой и разрешила ему все, даже жениться на ненавистой ей американке (опять американке!) и спортсменке (фи, принцесса-гольфистка!) Дарье Прат. Америку и спорт Сара возненавидела до конца жизни.

Впрочем, как и живопись. Почему живопись? — спросите вы. Спрашивайте скорее.

Потому что был еще один наследник престола, еще один внук Карагеоргия, еще один Сарин сын. Божидар.

Красив, умен, талантлив, музыкант, художник, ювелир.

Декадент.

Делал прекрасные букеты.

Разбирался в гобеленах, антиквариате, театре.

Учился музыке в Вене и был уличным музыкантом в Неаполе.

Прекрасно рисовал и по заказу светских дам делал чудесные штучные золотые украшения.

А дамам полусвета дарил браслеты и бусы, сплетенные из кожаных ленточек прямо за столом в какой-то парижской кофейне. И эти безделушки из кожи, пары ленточек и бусинок были ничем не хуже золотых.

Ох, Сара, и это наследник?! Этот, которого все веселые дамы Парижа знали под именем Джурджевак — Ландыш?!

И ладно, если бы только веселые дамы.

Но он, сербский принц, будучи еще несовершеннолетним, сбежал из дома и начал жить с сентиментальным другом (как писала тогдашняя пресса) писателем Пьером Лоти.

В вестибюле здания Белградской католической епархии на полу выложена вот такая звезда...

Ах, какой удар судьбы! И зачем он не родился девочкой! — воскликнула несчастная мать.

И дала сыну свободу. Божидар ею наслаждался: дружил с Анатолем Франсом, который вывел Божидара под именем Поля Ванса в романе «Красная лилия». Был очень близок с Марией Башкирцевой: именно она написала известный его портрет, который висит сегодня в белградском Национальном музее.

Божидар был журналистом «Фигаро», даже написал о путешествии в Ко-

сово (вечно беспокойная территория). Авантюра: проехал как журналист, под чужим именем, в Черногорию и потом из Будвы, через Скадр и Албанию, верхом на коне проник в Косово, добрался до Призрена. Оставил заметки и зарисовки. Сохранились и его путевые заметки по Боснии, Черногории, даже Индии. Как журналист «Фигаро» он побывал и на коронации короля Петра (и его, прямого потомка Карагеоргия, на коронацию не пустили — у него не было приглашения!)

Умер он, не оставив потомков. Смерть его воспринята была в Белграде с облегчением (одним претендентом меньше), но на всякий случай белградские газеты побоялись опубликовать даже самый маленький некролог.

В 1908 г. умер Божидар, в 1920 г. Алекса.

А Сара все жила. Рухнули ее мечты.

Все надеялась, что хотя бы после смерти ее останки перенесут в гробницу Карагеоргиевичей. И завещание оставила о перезахоронении. Чтобы хоть после смерти быть похороненной с королевскими почестями. Но, увы, выяснилось, что жуликоватый секретарь что-то напортачил с местом на кладбище Пер-Лашез, и останки Сары были перемещены и перезахоронены совсем уж неизвестно где.

Так и закончилась история о Капитанской дочке, которая очень хотела быть королевой.

Но — осталась лишь дочерью Капитана...

Гартвиг

Да, вестибюль этого дома и начало Первой мировой тесно связаны. Именно там, в бывшем здании посольства Австро-Венгрии (ныне здесь находится Белградская католическая епархия), на месте, которое обозначено этой вот звездой, умер русский посол Николай Генрихович Гартвиг.

Умер непосредственно в тот момент, когда австрийский посол, оставшись в пустом здании, составлял телеграмму, которую потом отправил из Земуна императору...

Почему русский посол оказался в опустевшем австрийском посольстве? И отчего умер?

Смерть в посольстве

О Николае Гартвиге говорят ныне мало, и даже чрезмерно щедрая по части информации «Википедия» скупно цедит скудно-информативные фразы. Даже фотографии его нормальной я найти не смогла.

Более щедрой оказывается английская «Википедия».

И очень решительной.

Она прямо указывает на Гартвига как на человека, который развязал Первую мировую войну, а в самом начале, только-только сообщив о месте его рождения — городе Гори, сразу же услужливо подсказывает читателю: мол, тот же город, где родился Сталин. Ну, становится сразу ясно, что от Гартвига ничего хорошего ожидать не следует, и конечно, это он и только он самолично развязал войну и всех втравил в то, что стало потом называться мировой бойней.

А сербы и их Гаврила непринципиальны, они-де были просто инструментами в руках гофмейстера — да-да, был у Гартвига такой титул. Да и вообще сведений о Гартвиге так мало, что создается впечатление, будто он родился в Гори назло западному миру только для того, чтобы подгадить ему в Иране, подавив попытку революции с целью свержения Мохаммада Али-шаха. Спрятал его, ничтоже сумняшеся, в российском посольстве, а британскую дипломатическую миссию окружил, не дав англичанам таким образом заняться дипломатией. Ну и, конечно, цель — вовлечь весь мир в Великую войну, а самому умереть назло австрийцам в австрийском же посольстве.

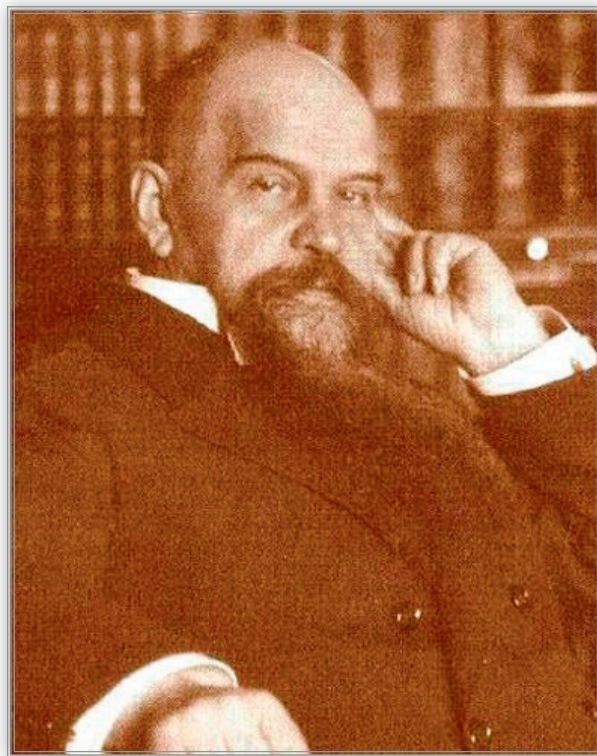
А ведь он был совсем непростой человек, Николай Генрихович.

Совсем непростой.

И умер — многозначительно.

Начнем с того, что, немец по национальности, он был оголтелым панславистом.

Такое случается иногда с немцами.

Николай Генрихович Гартвиг

Вот это пушкинское, рыцарское: «Lumen coelum, sancta Rosa! // Восклицал всех громче он...» — в нем было очень сильно развито. Как и далее по Пушкину: «И гнала его угроза // Мусульман со всех сторон».

Воззрений он был радикальных и даже писал статьи для газеты «Новое время», крайне неоднозначного суворинского детища, — на которое тогда смотрели косо, обвиняя в национализме. Позже (как интересно иногда ложатся карты!) сын Суворина в Белграде будет издавать газету с таким же названием. Ну, это я так, к слову...

Продолжим.

Ставить Гартвига во главе заговора, обвиняя его чуть ли не в том, что он лично поддерживал связи с организацией «Черная рука»¹ и даже выплатил деньги этим гаврикам (как ему вменяют), я бы не стала.

Ну, во-первых, потому, что российский посол никогда не будет лично пробираться в какой-то невнятный белградский шалман, чтобы расплатиться с молодыми фанатиками.

Во-вторых, если посмотреть публикации Гартвига, то станет ясно, что он начиная с 1909 г. делал все, чтобы выправить перекося, вызванный неудачным делением Балкан на Берлинском конгрессе, когда страны так называемого «Европейского концерта», боявшиеся усиления России после победы над Османской империей в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., перекроили карту Балкан как будто специально так, чтобы наилучшим образом поссорить южных славян. Правда, направление он выбрал довольно своеобразное, пытаясь объединить Балканы, одновременно вставляя палки в колеса Австрии. Но тем не менее война ему — не нужна. Ему, Гартвику, и его идеям — не нужна.

И в-третьих, война — процесс длительный, и делают ее не гаврики, даже если они Гаврилы с пистолетом, и не послы, даже если они Гартвики с идеями, а те, кто имеет скорее не лица и имена, а мощну и счета в банках.

Но мы историю не пишем, так что вернемся к детективной составляющей.

Итак, официальная версия такова: вечером 10 июля 1914 г. Николай Гартвиг, узнав, что австрийский посол эвакуировал сотрудников, и поняв, что это начало войны, пробежал от своего посольства (тогда расположенного на улице краля Милана) до австрийского и замертво упал в вестибюле. Инфаркт.

Версия народная, появившаяся после смерти Гартвига: отравил его австрийский посол.

Причем упоминается, что почему-то — австрийскими сигарами.

¹ «Черная рука» (серб. «Црна рука», др. название «Единство или смерть», серб. Уједињење или смрт) — тайная организация южных славян (1911–1927), имевшая целью создать единое национальное государство. Эта идея получила продолжение несколькими десятилетиями позже, при образовании Югославии. Как многие националистические образования, «Черная рука» не чуждалась терроризма.

Некролог Н. Г. Гартвигу в периодической печати

Гартвига, которого обожали сербы, оплакивал весь Белград.

Газеты детально описывали его жизнь, восхваляли его и давали репортажи с прощания и похорон.

Рассказывали легенды, писали петиции императору, чтобы разрешил похоронить покойника в Белграде. И вообще казалось, весь Белград думал не о войне, а о похоронах Гартвига.

И хоронили его так, как никого и никогда в Белграде.

Проститься с ним пришло столько народу, что пришлось объявлять специальный полицейский указ.

А во время похорон — перекрыть кладбище.

Тогда же, еще до похорон, возникла инициатива: переименовать улицу Белградскую в улицу Гартвига.

И ее переименовали, правда, в 1930 г., но все же.

Часовня над могилой Н. Г. Гартвига на Новом кладбище в Белграде, воздвигнутая на деньги правительства страны и добровольные пожертвования русским архитектором Г. П. Ковалевским

И памятник на кладбище соорудили.

Причем финансировал возведение мемориала лично король Александр Карагеоргиевич. А вот скульптором был русский эмигрант Григорий Ковалевский. Вот он — стоит и поныне на Новом кладбище.

Но все же, что случилось в посольстве в этот день? Почему Гартвиг вообще туда пошел? На самом деле не затем же, чтобы там умереть назло австрийцам?

Прежде всего давайте познакомимся. Это австрийский посол Wladimir (Rudolf Karl) Freiherr Giesl von Gieslingen — Гизел, иногда Гизель, иногда Гизл, иногда Гисл, иногда Гизлеинген — его фамилию в разных источниках пишут как бог на душу положит.

Австрийский посол утверждал, что сам пригласил Гартвига в посольство. Чтобы поговорить перед отъездом.

Не об ультиматуме, а так, дружески, понимаете ли.

Ни о чем страшном и тревожном речь не шла: просто сидели, разговаривали, причем Гартвиг все время курил (вот они, сигары!) и жаловался, что у него бо-

лит сердце и отекают ноги, что он устал и ему нужно поехать на курорт (причем уточняется, что через Вену и Франкфурт) в Наугейм.

«Врет», — сказали все в Белграде.

Врет, хочется сказать и нам, потому что, конечно, австрийскому послу соврать — раз плюнуть.

Только вот одна деталь смущает: Гизел в свое время находился в составе дипломатической миссии в Цетине, и тогда там же Гартвиг исполнял должность атташе. Те, кто бывал в Цетине и знают размеры этого города, понимают: глупо даже предполагать, будто они могли там находиться в одно время и не встретиться.

Итак, Гартвиг и Гизел были знакомы. Давно и, видимо, неплохо.

Еще немного приблизим увеличительное стекло к Гизелю. О нем, кстати, тоже очень мало известно. Нет, знаем-то много: о дипломатии, о действиях перед войной, о нотах и протестах. И о его брате, который воевал потом против сербов. Знаем многое, но... не о том, о чем хотелось бы. Почему, например, Гизел после окончания войны в 1919 г. вдруг оказался не в Вене, не в Берлине, а в Белграде? Жил там на улице Славонской и плевать хотел на ироничные статьи, где он именовался югославом Гизелем Гизеленгским?

И король Александр его привечал. Привечал кого? Бывшего врага или...?

Он, Владимир, хоть и Рудольф Карл, жил в городе, который вверг в войну, довольно долго.

Зачем он вернулся в Белград?

Может, ответ в том, что и бароны иногда бывают панславистами, даже если они австрийские послы?

А может, ответ — в небольшой зарисовке доктора Рыбникара в газете «Политика», который приехал в ту роковую ночь в австро-венгерское посольство:

И спросила тогда баронесса Гизел на чистом сербском языке:

— Нужно ли зажечь ему свечу?

И сказали врачи, что таков обычай у нас. И ответила баронесса:

— У меня есть свеча, я сейчас принесу. Есть у меня и одна наша Богородица, от моей матери осталась.

И принесла она свечу и положила мертвому Гартвигу на грудь, а восковую свечу — у изголовья. А я сделал вывод, что она, по всему судя, сербка или как минимум — православной веры.

Я не нашла, кем была по происхождению баронесса.

Хотя с учетом того, что сам барон родился в городе Печ — ныне Венгрия, — а там было немало сербов, баронесса вполне могла быть сербкой.

Могла она быть и черногоркой — если учитывать черногорский эпизод в жизни барона.

А могла быть и обычной австрийской баронессой. Только любящей сербов.

Такое тоже иногда случается, даже с баронессами.

Вот такая вот история.

О Гартвиге — человеке, которого когда-то вся Сербия любила, но ныне прочно забыла.

Хотя уж Сербия могла бы и вспомнить, как он сербов любил, и вернуть Гартвигу его улицу. Сейчас она называется Белградской.

Ну, право, зачем Белграду Белградская улица?!

Кстати, Гизел был чешского происхождения; в Пече, где он родился, и поныне много сербов, хорватов и чехов. Он принадлежал к Чешской православной церкви.

Эпилог, не связанный с основным повествованием (наброски)

Рождественская история. Дух настоящего. Апория

...в сытые рождественские дни, перебирая полученные подарки, всякие там дорогие велосипеды и другую, заработанную тяжким трудом признательность окружающих, каждый настоящий Малыш вспоминает о собаке. Той, настоящей. Которой ему никогда не подарят. И которую он никому не подарит. Поэтому в эти дни все чрезмерно веселятся, заводят друзей, лезут то на крышу, то в горы, а то летят на Гоа.

И хорошо, если у вас есть тот, кто испечет вам плюшку и утешит: «Не плачь, милый Августин, все пройдет, все».

— А нам это можно?!

Они стояли у прилавка магазинчика, который в стремительно наступающую ночь перед Рождеством торопился закрыться и поэтому был глух к их невнятным вопросам на непонятном языке. Равнодушная толпа, покупающая мелочи, без которых завтрашний праздник не состоится, делала свое дело, огибая их.

— А это нам можно?!..

Продавщица, которой хотелось домой — к семье и бадняку, к горячему вину и уюту, игнорировала их беззлобно. Она устала. Устала настолько, что понимала только названия товаров с этикеток. И ничего больше.

— А что это?

Они смотрели на прилавок, где лежали гусенички из капустных листьев и что-то белесое из клеклого теста. Купить это они боялись. Они не знали, что это. А две наглых кириллических надписи — САРМА и КРОМПИРУША — информации не несли никакой. А они — хотели знать: что это и можно ли это им? Они даже включили на телефоне переводчика и робко протягивали телефон самаритянам, которые шарахались, отказываясь произносить в кусок пластика свои кириллические слова. А когда один, пьяненький и, следовательно, добрый самаритянин все же решился и, старательно дыша, произнес нужное, то на холодном стекле равнодушно загорелись: SARMA KROMPIRUSHA, и опять было не ясно, что это и можно ли это им.

Решила поиграть в эту игру и я: тесто с картошкой и капуста с рисом. Постные — строго сказала я технологическому чуду, которое от радости начало танцевать на экране, выписывая кренделя чужих слов.

...и они ушли: Каспар и Мельхиор. Ушли, спеша принести брату своему Бальтазару сарму и кромпирушу. Завтра их ждал их привычный мигрантский путь. А сегодня горели в церковных оградах костры и ветер нес тревожный запах чуда туда, наверх, к звезде. Которая уже взошла и которая, слава Богу, будет сиять, независимо от нашей родной, трогательной, милой и жестокой суеты здесь, внизу.

SERBIAN TRAGEDY

Irina Antanasievich

Doctor of Philology, Professor,
Department of Slavic Studies, University of Belgrade.
Republic of Serbia, 11000, Belgrade, Student TRG, 3.
E-mail: antiira@mail.ru

The small country of Serbia, with almost a thousand and a half-year history, turned out to be an area of great human grief. Since ancient times, strong and aggressive neighbors have sought to conquer its territory, and the memory of the people in folklore, literature, and fine art has preserved traces of a foreign presence and influence on culture. Three and a half centuries of Ottoman rule brought the Serbs many troubles, but the First World War, which killed about a third of the country's population, turned out to be the most terrible blow. Having become a kingdom from the end of the 19th century, Serbia remained until the beginning of World War II, and in 1945 it was Sovietized and became part of the Federal People's Republic of Yugoslavia (later SFRY), first as the People's Republic of Serbia, and then, since 1963, as Socialist. However, the collapse of the USSR brought about the collapse of the entire European socialist camp, and nationalism, which raised its head in the former Soviet republics, did not pass Yugoslavia. Serbia's acquisition of independent statehood, for the time being still socialist, again cost a lot of blood. The bombing of NATO (2000) put an end to socialism in the country. Now Serbia is again a republic.

But the main thing is not the territory or the political system, but people. The history of prominent Serbs is almost unknown in Russia: from the media, Russians know about the unbroken "Balkan conflicts" or, in a milder version, "contradictions," and as a rule, it all ends. Meanwhile, any political event responds to human fate, whether it be an ordinary citizen or a leader of a higher rank. Who are the Karageorgievichs? What can I say about Nikolai Genrikhovich Gartvig, Russian after the beginning of the First World War, or about Fedor Evdokimovich Makhin?..

The destinies of people in a philosophical context must be considered both as a field of interethnic dialogue, and as its implementation, and as a result: this is a human phenomenon. By the will of the common Slavic fates connected with Russia by tight ties, Serbia reveals its historical secrets to modern Russian people.

Keywords: the history of Serbia of the 20th century, the Karageorgievich dynasty, the Obrenovich dynasty, Ustashi, N. G. Gartwig, the Black Hand organization.